

323	0263	НАТАЛЬЯ КРАНДИЕВСКАЯ	"Плач о Китеже"	"В старой Москве"
324	0263-2	НАТАЛЬЯ КРАНДИЕВСКАЯ	"Плач о Китеже"	"Ночью на крыше"

"Плач о Китеже" (Коренблит – Крандиевская)

"Плач о Китеже" Часть 2 "Ночью на крыше"

1(32). Блокада	– 1.23
2(33). В кухне. Часть I	– 2.40
3(34). В кухне. Часть II	– 1.20
4(35). В кухне. Часть III	– 1.56
5(36). Бесстрашие	– 2.54
6(37). Лечение забвением	– 1.20
7(38). 1942 год	– 1.51
8(39). Ночью на крыше	– 1.34
9(40). Ночные дежурства. Часть I	– 1.11
10(41). Ночные дежурства. Часть II	– 1.15
11(42). Ночные дежурства. Часть III	– 2.09
12(43). Читая Диккенса	– 1.56
13(44). Весна 1943 года	– 1.60
14(45). На улице. Часть I	– 0.54
15(46). На улице. Часть II	– 1.49
16(47). На улице. Часть III	– 1.21
17(48). На улице. Часть IV	– 1.13
18(49). На улице. Часть V	– 1.01
19(50). На улице. Часть VI	– 1.19
20(51). На улице. Часть VII	– 0.53
21(52). На улице. Часть VIII	– 1.02
22(53). Сыну	– 1.01
23(54). Непобежденная Пальмира	– 1.50
24(55). У изголовья	– 1.58
25(56). Слышишь?	– 1.38
26(57). До последнего мрака	– 1.23
27(58). Внучке	– 1.33
28(59). Самый страшный час	– 1.27
29(60). Наследникам	– 1.38
30(61). Эпитафия	– 2.10
31(62). Архангела труба	– 1.12
<i>Общее время звучания – 48.51</i>	
<i>Общее время звучания – 102.11</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Ночью на крыше"

1. БЛОКАДА

Смерти злой бубенец

Зазвенел у двери.

Неужели конец?

Не хочу. Не верю!

Сложат, пятки вперёд,

К санкам привяжут. —

— Всем придет свой черед, —

Прохожие скажут.

Не легко проволочь
По льду, по ухабам.
Рыть совсем уж невмочь
От голода слабым.

Отдохни, мой сынок,
Сядь на холмик с лопатой,
Съешь мой смертный паек,
За два дня вперед взятый.

2. В КУХНЕ. Часть I

В кухне жить обледенелой,
Вспоминать свои грехи
И рукой окоченелой
По ночам писать стихи.

Утром - снова суматоха.
Умудри меня, Господь,
Топором владея плохо,
Три полена расколоть!

Не тому меня учили
В этой жизни, вот беда!
Не туда переключили
Силу в юные года.

Печь дымится, еле греет,
В кухне копоть, как в аду.
Трубочистов нет — болеют,
С ног валятся на ходу.

Но нехитрую науку
Кто из нас не превозмог?
В дымоход засунув руку,
Выгребаю черный мох.

А потом иду за хлебом,
Становлюсь в привычный хвост.
В темноте сереет небо,
И рассвет угрюм и прост.

С черным занавесом сходна,
Вверх взлетает ночи тень,
Обнажая день холодный
И голодный — новый день.

Но с младенческим упорством
И с такой же волей жить
Выхожу в единоборство —
День грядущий заслужить.

У судьбы готова красть я, —

Да простит она меня,
Граммы жизни, граммы счастья,
Граммы хлеба и огня!

3. В КУХНЕ. Часть 2

В кухне крыса пляшет с голоду,
В темноте гремит кастрюлями.
Не спугнуть ее ни холодом,
Ни холерою, ни пулями.

Что беснуешься ты, старая?
Здесь и корки не доищешься,
Здесь давно уж злою карою,
Сновиденьем стала пища вся.

Иль со мною подружилась ты
И в промерзшем этом здании
Ждешь спасения, как милости,
Там, где теплится дыхание?

Поздно, друг мой, догадалась я!
И верна, и невиновна ты.
Только двое нас осталось —
Сторожить пустые комнаты.

4. В КУХНЕ. Часть 2

Рембрандта полумрак
У тлеющей печурки.
Голодных крыс гопак, —
Взлетающие шкурки.

Узорец ледяной
На стеклах уцелевших,
И силуэт сквозной
Людей, давно не евших,

У печки разговор,
Возвышенный, конечно,
О том, что время — вор,
И все недолговечно.

О том, что неспроста
Разгневали судьбу мы,
Что родина — свята,
А все мы — вольнодумы.

Что трудно хоронить,
А умереть — не трудно...
Прервав беседы нить,
Сирена стала выть
Истошно так и нудно.

Тогда брусничный чай

Разлили по стаканам,
И стала горяча
Кишечная нирвана.

Затихнул разговор,
Сирена выла глуше...
А время, старый вор,
Глядя на нас в упор,
Обкрадывало души.

5. БЕССТРАШИЕ

С детства трусихой была,
С детства поднять не могла
Веки бессонные Вию.
В сказках накопленный хлам
Страх сторожил по углам,
Шорохи слушал ночные.

Крался ко мне вурдалак,
Сердце сжимала в кулак —
Лапка выжиги сухая.
И, как тарантул, впотьмах,
Хиздрик вбегал на руках,
Хилые ноги вздымая.

А домовой? А Кощей?
Мало ль на свете вещей,
Кровь леденящих до дрожи?
Мало ль загробных гонцов,
Духов, чертей, мертвецов
С окаменевшею кожей?

Мало ль бессонных ночей
В бреднях, смолы горячей,
Попусту перегорало?
Ныне пришли времена, —
Жизнь по-простому страшна,
Я же бесстрашную стала.

И не во сне — наяву
С крысою в кухне живу,
В обледенелой пустыне.
Смерти проносится вой.
Рвется снаряд за стеной, —
Сердце не дрогнет, не стынет.

Если о труп у дверей
Лестницы черной моей
Я в темноте спотыкаюсь, —
Где же тут страх, посуди?
Руки сложить на груди
К мертвому я наклоняюсь.

Спросишь: откуда такой
Каменно-твердый покой?
Что же нас так закалило?
Знаю. Об этом молчу.
Встали плечом мы к плечу —
Вот он, покой наш и сила!

6. ЛЕЧЕНИЕ ЗАБВЕНИЕМ

Раны лечат только временем,
Срок не далеко.
Даже смерть простым забвением
Залечить легко.

Будет день — на небо ясное
Тишина взойдет.
Из-за облака фугасная
К нам не упадет.

Будет день — в прихожей маленькой
Будет толчея.
Я стяну с внучонка валенки.
Вот она — семья!

Затопочут ножки быстрые
В комнату мою.
Я до той минуты выстою,
Клятву в том даю.

Если ж нет... Сотрется временем,
Станет — далеко.
Даже смерть простым забвением
Залечить легко.

7. 1942 ГОД

Этот год нас омыл, как седьмая щелочь,
О которой мы, помнишь, когда-то читали?
Оттого нас и радует каждая мелочь,
Оттого и моложе как будто бы стали.

Научились ценить все, что буднями было:
Этой лампы рабочей лимит и отраду,
Эту горку углей, что в печи не остыла,
Этот ломтик нечаянного шоколаду.

Дни «тревог», отвоеванные у смерти,
Телефонный звонок — целы ль стекла? Жива ли?
Из Елабуги твой самодельный конвертик, —
Этих радостей прежде мы не замечали.

Будет время, мы станем опять богаче,
И разборчивей станем и прихотливей,
И на многое будем смотреть иначе,
Но не будем, наверно, не будем счастливей!

Ведь его не понять, это счастье, не взвесить!
Почему оно бодрствует с нами в тревогах?
Почему ему любо цвести и кудесить
Под ногами у смерти, на взрытых дорогах?

8. НОЧЬЮ НА КРЫШЕ

В небе авиаигрушки,
Ни покоя им, ни сна.
Ночь в прожекторах ясна.
Поэтической старушкой
Бродит по небу луна.

И кого она смущает?
Кто вздыхает ей вослед?
Тесно в небе. Каждый знает,
Что покоя в небе нет.
Истребитель пролетает,
Проклиная лунный свет.

До луны ли в самом деле.
Если летчику глаза
И внимание в обстреле
От живой отводит цели
Лунной влаги бирюза?

Что же бродишь, как бывало,
И качаешь опахало
Старых бредней над землей?
Чаровница, ты устала,
Ты помехой в небе стала, —
Не пора ли на покой?

9. НОЧНЫЕ ДЕЖУРСТВА. Часть I

Связисты накалили печку,
Не пожалели дров.
Дежурю ночь. Не надо свечку,
Светло от угольков.

О хлебе думать надоело.
К тому же нет его.
Все меньше сил, все легче тело.
Но это ничего.

Забуду все с хорошей книгой,
Пусть за окном пальба.
Беснуйся, дом снарядом двигай, —
Не встану, так слаба.

Пьяна от книжного наркоза,
От выдуманных чувств...
Есть все же милосердья слезы,
И мир еще — не пуст!

10. НОЧНЫЕ ДЕЖУРСТВА. Часть 2

На крыше пост. Гашу фонарь.
О, эти розовые ночи!
Я белые любила встарь, —
Страшнее эти и короче.

В кольце пожаров расцвела
Их угрожающая алость.
В ней все сгорит, сгорит дотла
Все, что от прошлого осталось.

Но ты, бессонница моя,
Без содрогания и риска
Глядишь в огонь небытия,
Подстерегающий так близко.

Завороженная, глядишь
На запад, в зарево Кронштадта,
Ни тени куполов и крыш...
Какая глушь! Какая тишь!
Да был ли город здесь когда-то?

11. НОЧНЫЕ ДЕЖУРСТВА. Часть 3

После ночи дежурства такая усталость,
Что не радует даже тревоги отбой.
На рассвете домой возвращалась, шаталась,
За метелью не видя ни зги пред собой.

И хоть утро во тьме уже ртутью сквозило,
Город спал еще, кутаясь в зимнюю муть.
Одиночества час. Почему-то знобило,
И хотелось согреться, хотелось уснуть.

Дома чайник вскипал на железной времянке,
Уцелевшие окна потели теплом,
Я стелила постель себе на оттоманке,
Положив к изголовью Диккенса том.

О, блаженство покоя! Что может быть слаще
И дороже тебя? Да святится тот час,
Когда город наш, между тревогами спящий,
Тишиной утешает недолгою нас.

12. ЧИТАЯ ДИККЕНСА

Никнет, дрожит фитилек,
Копоти больше, чем света.
Но ни один огонек
Не был дороже, чем этот.

Диккенс забытый. Добром
Дышит бессмертным страница.
И сострадания бром

С повестью в сердце струится.

Тьма за окном, как в аду.
Что эта тьма затаила?
Чую, с добром не в ладу
Ночи нечистая сила.

Слышу, взрывается мрак,
Бьет пулемет под сурдинку.
Снова проклятый маньяк
Смерти заводит волынку.

Что ему светлая ширь
Дум, милосердье любви?
Крови возжаждал, упырь.
Уничтоженья и крови!

Никнет, дрожит фитилек,
Словно на тоненьком стебле
Сел золотой мотылек,
Ветра дыханьем колеблем.

Но, принимая из рук
В руки его, как лампаду,
Мы пронесем его, друг,
Через войну и блокаду.

13. ВЕСНА 1943 ГОДА

Наперекор событиям — живу
И радуюсь апрельской непогоде.
Гляжу с моста на бурную Неву —
Свистит и суетится пароходик,

И манит к странствиям весенняя вода,
И дует ветер корабельный,
А плыть куда? В какие города?
Когда доплыть нельзя нам и до Стрельны.

Блокада! Вот оно, проклятое кольцо,
Невы свободной тяжкое удушье,
И запах гари с берега, в лицо,
И облаков весенних равнодушие.

Нет! Мимо, мимо пролетай, апрель!
Еще ты мне не сверстник, не попутчик.
Закалена и выстрадана цель,
Мне от нее не отвлекаться лучше!

14. НА УЛИЦЕ. Часть I

Иду в темноте, вдоль воронок.
Прожекторы щупают небо.
Прохожие. Плачет ребенок
И просит у матери хлеба.

А мать надорвалась от ноши
И вязнет в сугробах и ямах.
— Не плачь, потерпи, мой хороший,
И что-то бормочет о граммах.

Их лиц я во мраке не вижу,
Подслушала горе вслепую,
Но к сердцу придвинулась ближе
Осада, в которой живу я.

15. НА УЛИЦЕ. Часть II

На салазках, кокон пряменький
Спеленав, везёт
Мать заплаканная, в валенках,
А метель метёт.

Старушонка лезет в очередь,
Охает, крестясь:
«У моей, вот тоже, дочери
Схоронен вчерась.

Бог прибрал, и, слава Господу,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих со ста грамм».

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довести сама смогла б еще, —
Сможет ли зарыть?

А не сможет — сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки, —
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

16. НА УЛИЦЕ. Часть III

Шаркнул выстрел. И дрожь по коже,
Точно кнут обжег.
И смеется в лицо прохожий:
«Получай паек!»

За девицей с тугим портфелем
Старичок по панели
Еле-еле Бредёт.

«Мы на прошлой неделе

Мурку съели,
А теперь — этот вот...»
Шевелится в портфеле
И зловеще мяукает кот.

Под ногами хрустят
На снегу оконные стекла.
Бабы мрачно, в ряд
У пустого ларька стоят.
«Что дают?» - «Говорят,
Иждивенцам и детям — свекла».

17. НА УЛИЦЕ. Часть IV

Обледенелая дорожка
Посередине мостовой.
Свернешь в сторонку хоть немножко —
В сугробы ухнешь с головой.

Туда, где в снеговых подушках
Зимует пленником пурги
Троллейбус, пестрый, как игрушка,
Как домик бабушки Яги.

В серебряном обледененье
Его стекло и стенок дуб.
Ничком на кожаном сиденье
Лежит давно замерзший труп.

А рядом, волоча салазки,
Заехав в этакую даль,
Прохожий косится с опаской
На быта мрачную деталь.

18. НА УЛИЦЕ. Часть V

За спиной свистит шрапнель.
Каждый кончик нерва взвинчен.
Бабий голос сквозь метель:
«А у Льва Толстого нынче
Выдавали мервишель!»

Мервишель? У Льва Толстого?
Снится, что ли, этот бред?
Заметает вьюга след.
Ни фонарика живого,
Ни звезды на небе нет.

19. НА УЛИЦЕ. Часть VI

Как привиденья беззаконные,
Дома зияют беззаконные
На снежных площадях.
И, запевая смертной птичкою,
Сирена с ветром перекличкою
Братаются впотьмах.

Вдали, над крепостью Петровою,
Прожектор молнию лиловую
То гасит, то зажжет.
А выше — звездочка булавкою
Над Зимней светится канавкою
И город стережет.

20. НА УЛИЦЕ. Часть VII

Идут по улице дружинницы
В противогазах, и у хобота
У каждой, как у именинницы,
Сирени веточка приколота.

Весна. Война. Все согласовано.
И нет ни в чем противоречия.
А я стою, гляжу взволнованно
На облики нечеловечии.

21. НА УЛИЦЕ. Часть VIII

Вдоль проспекта — по сухой канавке
Ни к селу, ни к городу цветы.
Рядом с богородицыной травкой
Огоньки куриной слепоты.

Понимаю, что июль в разгаре
И что полдень жатвы недалек,
Если даже здесь, на тротуаре,
Каблуком раздавлен василек.

Понимаю, что в блокаде лето,
И как чудо, здесь, на мостовой
Каменноостровского букета
Я вдыхаю запах полевой.

22. СЫНУ

Ты пишешь письма, ты зовешь,
Ты к жизни сытой просишь в гости.
Ты прав по-своему. Ну что ж!
И я права в своем упорстве.

Мне это время по плечу, —
Не думай, что изнемогаю.
За битвой с песнею лечу
И в ногу с голодом шагаю.

И если надо выбирать
Судьбу — не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою —
За этот город умирать!

23. НЕПОБЕЖДЕННАЯ ПАЛЬМИРА

А муза не шагает в ногу, —

Как в сказке, своевольной дурочкой
Идет на похороны с дудочкой,
На свадьбе — плачет у порога.

Она, на выдумки искусница,
Поет под грохот артобстрела
О том, что бабочка-капустница
В окно трамвая залетела,

О том, что заросли картошками
На поле Марсовом зенитки
И под дождями и бомбежками
И те, и эти не в убытке.

О том, что в амбразурах Зимнего
Дворца пустого — свиты гнезда
И только ласточкам одним в него
Влетать не страшно и не поздно,

И что легендами и травами
Зарос, как брошенная лира,
Мой город, осиянный славами,
Непобежденная Пальмира!

24. У ИЗГОЛОВЬЯ

Проходят мимо неприявшие,
Не узнают лица в крови.
Россия, где ж они, кричавшие
Тебе о жертвенной любви?

Теперь ты в муках, ты — родильница.
Но кто с тобой в твоей тоске?
Одни хоронят, и кадильница
Дымит в кощунственной руке.

Другие вспугнуты, как вороны,
И, стоны слыша на лету,
Спешат на все четыре стороны
Твою окаркать наготу.

И кто в безумьи прекословия
Ножа не заносил над ней!
Кто принял крик у изголовия
И бред пророческих ночей?

Но пусть. Ты в муках не одна еще.
Благословенна в муках плоть!
У изголовья всех рождающих
Единый сторож есть — Господь.

25. СЛЫШИШЬ?

Лифт, поднимаясь, гудит.
Хлопнула дверь — не ко мне.

Слушаю долго гудки
Мимо летящих машин.

Снова слабею и жду
Неповторимых свиданий,
Снова тоска раскаляет
Угли остывших обид.

Полно сражаться, мой друг!
Разве же ты не устала?
Времени вечный поток
Разве воротишь назад?

Будем размеренно жить
Бурям наперекор!
Вечером лампу зажжем,
Книгу раскроем,

С Блоком ночной разговор
Будем мы длить до зари...
Что это? Старость? Покой?
Убыль воинственных сил?

Нет. Но все ближе порог
Неотвратимых свиданий.
Слышишь? Все ближе шаги
Тех, кто ушел навсегда!

26. ДО ПОСЛЕДНЕГО МРАКА

Как песок между пальцев, уходит жизнь.
Дней осталось не так уж много.
Поднимись на откос и постой, оглянись,
Не твоя ль оборвалась дорога?

Равнодушный твой спутник идет впереди
И давно уже выпустил руку.
Хоть зови — не зови, хоть гляди — не гляди,
Каждый шаг ускоряет разлуку.

Что ж стоишь ты? Завыть, заскулить от тоски,
Как скулит перед смертью собака...
Или память, и сердце, и горло — в тиски
И шагать — до последнего мрака.

27. ВНУЧКЕ

Чёрт лица твоего я не вижу,
Слышу голос любимый твой.
Подойди ко мне, стань поближе,
Дай коснуться тебя рукой.

От волос твоих — запах теплый.
Чтоб тебя разглядеть как-нибудь,
Протираю очков своих стекла...

Надоела в глазах эта муть!

Говоришь: «Не хочу уходить».
И к плечу прислонилась невольно.
Разве этого мне не довольно,
Чтобы все же счастливою быть?

28. САМЫЙ СТРАШНЫЙ ЧАС

Он придёт ко мне, самый страшный час
— Он, быть может, не так уж и страшен.
Вздвогнет пульс, еле слышно, в последний раз,
И заглохнет, навеки погашен.

Что ж! Представить могу, что не буду дышать,
Грудь прикрыв ледяными руками.
Что придут изголовье мое украшать
Обреченными тленью цветами.

И что «Вечную память», в который уж раз,
Возгласит панихидное пенье,
Что оно сыновьям утешенья не даст, —
Да и надо ли им утешенье?

Но понять не могу, не могу, не могу,
Как — незрим, невесом, бестелесен
Он остынет со мной на могильном снегу,
Тайный жар вдохновений и песен!

29. НАСЛЕДНИКАМ

Я с собой в дорогу дальнюю
Ничего не уношу.
Я в неделю поминальную
Поминанья не прошу.

И оставлю я на память вам
Все, чего не нажила,
Потому что в мире скаредном
Расточительной была.

И того лишь между прочими
Я наследным нареку,
Кто по дальней моей вотчине
Унаследует тоску.

30. ЭПИТАФИЯ

Уходят люди, и приходят люди.
Три вечных слова: БЫЛО, ЕСТЬ и БУДЕТ,
Не замыкая, повторяют круг.

Венок любви, и радости, и муки
Подхватят снова молодые руки,
Когда его мы выроним из рук.

Да будет он, и легкий, и цветущий,
Для новой жизни, нам вослед идущий,
Благоухать всей прелестью земной,

Как нам благоухал! Не бойтесь повторенья:
И смерти таинство, и таинство рожденья
Благословенны вечной новизной.

31. АРХАНГЕЛА ТРУБА

Когда архангела труба
Из гроба нас подымет пением,
Одна нас поведет судьба
По рассветающим селениям.

И там, на берегах реки,
Где рай цветет нам уготованный,
Не выпущу твоей руки,
Когда-то на земле целованной.

Мы сядем рядом, в стороне
От серафимов, от прославленных,
И будем помнить о земле,
О всех следах, на ней оставленных.